

Правовое регулирование режима военного плена в СССР в период Второй мировой войны: теория и практика

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры отечественной истории Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье рассмотрена проблема правового регулирования режима военного плена в СССР в годы Второй мировой войны. Особое внимание при этом уделено характеристике советского законодательства в области военного плена, его соответствия положениям международных конвенций, а также показаны особенности положения военнопленных в СССР.

Ключевые слова: режим военного плена; военнопленные; советское законодательство; международное право.

Legal regulation of a mode of a military captivity in the USSR in the Second World War: the theory and practice

A.L. KUZMINYKH – an assistant professor of philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, candidate of history sciences, a docent, working for doctor's degree of the domestic Russian history chair in the Pomor State Unoversity named after Lomonosov M.V.

In article is considered the problem of legal regulation of a mode of a military captivity in the USSR in days of the Second World War. The special attention is thus given the characteristic of the Soviet legislation in the field of a military captivity, its conformity to positions of the international conventions, are shown features of position of prisoners of war in the USSR.

Key words: a mode of a military captivity; prisoners of war; the Soviet legislation; international law.

Советское государство с момента своего возникновения взяло курс на проведение самостоятельной политики в области военного плена, в основу которой был положен классовый принцип. Под воздействием партийно-идеологических установок враг в общественном сознании выступал в образе «капиталистов-империалистов», а союзником в борьбе против них считался мировой пролетариат, у которого нет ни отечества, ни национальности. Следствием такой политики СССР стал демонстративный отказ от подписания Женевской конвенции о военнопленных от 27.07.1929 г. Сталинское руководство свои действия мотивировало буржуазным характером и милитаристской направленностью упомянутого документа, заявив о категорическом несогласии с «принципом размещения военнопленных в лагерях по расовой и национальной принадлежности». Текст конвенции в Советском Союзе не был опубликован, печать ограничилась лишь негативными комментариями на его счет¹.

В противовес Женевской конвенции было решено разработать собственный «Кодекс военного плена». В основу проекта этого документа были положены две основные идеи: 1) режим содержания военнопленных в СССР должен быть не хуже, чем это предусматривает Женевская конвенция; 2) документ, регламентирующий порядок обращения с пленными, должен соответствовать принципам советского права (недопустимость льгот для офицерского состава, равенство военнопленных в правах и т.д.). В результате 19 марта 1931 г. постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК) было утверждено Положение о военнопленных, действующее на территории Советского Союза. Анализ содержания, позволяет говорить, что этот документ основывался на тех же принципах, что и Женевская конвенция (воспрещение жестокого обращения с военнопленными, право на переписку со своими родственниками и т.д.). Вместе с

тем, исходя из принципа «пролетарской солидарности», в документ был включен ряд новых положений. Так, в нем декларировалось предоставление политических прав военнопленным, принадлежащим к рабочему классу или беднейшему крестьянству (ст. 10), запрещалось денщикство, равно как и ношение знаков отличия (ст. 18), предусматривалось создание лагерных комитетов, выражающих интересы солдатской массы (ст. 14). Для руководства размещением и содержанием военнопленных учреждался специальный орган в лице Центрального управления по делам о пленных и беженцах (Цупленбеж)².

При внимательном изучении первых советских нормативно-правовых актов по обращению с бывшими неприятельскими солдатами бросается в глаза одна характерная деталь: сталинское руководство изначально смотрело на военнопленных как на своих «союзников». По мысли сталинского окружения, стоило советским войскам вступить на вражескую территорию, как все неприятельские войска, основу которых составляют представители пролетариата, бросят оружие и перейдут на сторону Красной Армии. Утопичность этой идеи выявилась уже в первые дни «освободительного похода в Польшу»³.

В сентябре 1939 г. наркомату внутренних дел СССР было поручено разработать проект нового Положения о военнопленных. И хотя подготовленный документ был одобрен Экономическим советом при СНК СССР, он не был официально утвержден советским правительством⁴. Показательно, что военнопленные поступали в распоряжение НКВД – ведомства, наделенного репрессивными функциями и отвечавшего за карательную политику государства. В составе НКВД было сформировано Управление по военнопленным, являвшееся преемником Цупленбежа⁵.

23 сентября 1939 г. заместителем наркома внутренних дел В.В. Чернышовым было утверждено «Положение о лагере военнопленных»⁶. Основными задачами лагерей НКВД для военнопленных объявлялись: 1) содержание военнопленных в условиях изоляции от окружающего населения; 2) создание режима, исключающего всякую возможность побега пленных из зоны лагеря; 3) агитационно-массовая и политическая работа среди контингента. Сопоставление содержания «Положения о лагере военнопленных» от 23.09.1939 г. и «Временной инструкции о режиме содержания заключен-

ных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР» от 02.08.1939 г. показывает, что если в ИТЛ главной задачей являлось трудовое использование контингента⁷, то в лагерях УПВ – политическая работа среди военнопленных. Последней советское государство придавало особое значение, рассматривая военнопленных в соответствии с известной ленинской установкой как «бацилл коммунизма» – будущих сторонников социалистических преобразований в своих странах. Таким образом, в вопросах регулирования военного плена СССР предпочел исходить из положений внутреннего законодательства, основывавшегося на классовых императивах, а не международных конвенциях.

Ориентацию на собственное законодательство по вопросам военного плена демонстрирует неопределенный правовой статус польских солдат и офицеров, захваченных Красной Армией осенью 1939 г. Ряд исследователей рассматривает польских граждан, попавших в лагеря НКВД, как интернированных исходя из того, что между СССР и Польшей не было официально объявленного состояния войны⁸. Однако характер и масштабы боевых операций, имевшие место жертвы в ходе боевых столкновений свидетельствуют о том, что между СССР и Польшей велась настоящая война. По справедливому замечанию Н.С. Лебедевой, «неофициальное» введение на территорию Польши войск сталинским правительством лишь усугубляло ее агрессивный характер⁹. Именно о «военнопленных» идет речь в большинстве документов ведомства Л.П. Берии, а также протоколах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б).

В нарушение ст. 11 Положения о военнопленных от 19.03.1931 г. о недопустимости содержания пленных в местностях с «нездоровым климатом» часть поляков была направлена в исправительно-трудовые лагеря Европейского Севера СССР, где они трудились наравне с советскими заключенными. Об одинаковом положении военнопленных и заключенных свидетельствует как «Инструкция о содержании и трудовом использовании военнопленных в Северном железнодорожном лагере»¹⁰, предоставившая начальнику Севжелдорлага право использовать их труд по своему усмотрению, так и отдельные факты экзекуций над польскими военнослужащими, ярким примером чему является катынский расстрел. О том, что сталинское окружение смотрело на польских военнослужащих как на рядовых узников лагерей НКВД, свидетельствует Указ

Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР» от 12.08.1941 г., под которую попали и пленные поляки¹¹. Освобождение пленных «по амнистии» являлось нонсенсом для международного права.

Однако имелся ряд черт, наличие которых не позволяет говорить о полном растворении военнопленных поляков в контингенте заключенных. Во-первых, в октябре 1939 г. советское руководство пошло на создание справочного бюро по розыску военнопленных и интернированных лиц бывшей польской армии при исполкоме Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. И хотя НКВД игнорировал работу этого органа, попытка его создания свидетельствует о стремлении СССР соблюдать хотя бы формальную сторону общепризнанной нормы международного права. Во-вторых, польским военнопленным была разрешена переписка со своими родственниками за границей. В-третьих, предписывалось отделять места работы военнопленных от производственных участков заключенных. Таким образом, можно говорить о том, что захваченные Красной Армией польские военнослужащие являлись особой категорией спецконтингента НКВД.

Базовым нормативно-правовым документом, регламентировавшим положение иностранных военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, являлось Положение о военнопленных, утвержденное Постановлением СНК СССР № 1798-800 от 01.07.1941 г. Основные пункты этого документа соответствовали Гаагской (1907 г.) и Женевской (1929 г.) конвенциям. Согласно положению в категорию военнопленных попадали: 1) лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с Советским Союзом, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР; 2) лица, входящие в состав вооруженных отрядов, не принадлежащих к вооруженным силам противника, если они открыто носят оружие; 3) гражданские лица, сопровождающие с соответствующего разрешения армию и флот неприятеля, как-то: корреспонденты, поставщики и другие лица, захваченные в ходе военных действий. Положение гарантировало военнопленным право на жизнь и личную неприкосновенность, обеспечение жилыми помещениями, медикаментами и продовольствием. Запрещалось оскорблять пленных, жестоко обращать-

ся с ними. Солдатам и офицерам, попавшим в плен, разрешалось ношение военной формы, знаков различия и отличия. Они получали право дополнительно приобретать за свой счет продукты питания, одежду, предметы личной гигиены, беспощинно получать с родины и из нейтральных стран письма, посылки и денежные переводы¹². Вместе с тем документ имел принципиальные отличия от Женевской конвенции. В советском варианте не имелось статьи, предусматривавшей контроль за содержанием военнопленных со стороны Международного комитета Красного Креста, не оговаривалась возможность обжалования приговора в случае судебного преследования, не было определено время репатриации.

После принятия правительством «Положения о военнопленных» наркомат внутренних дел выпустил серию инструкций, развивающих и дополняющих его. К числу таковых следует отнести прежде всего «Временную инструкцию о конвоировании военнопленных из приемных пунктов в лагеря-распределители частями конвойных войск НКВД СССР» от 04.07.1941 г., а также инструкции о порядке учета и содержания военнопленных в лагерях НКВД от 07.08.1941 г. Данные документы ограничивали права военнопленных и расширяли полномочия НКВД. Так, в них не оказалось пункта, запрещавшего изымать у военнопленных личные вещи и документы. Ограничивалось право пленных на подачу жалоб. Теперь они могли высказать свое недовольство только представителям лагерной администрации и были лишены права обращаться в вышестоящие инстанции¹³. Целью данных инструкций было ужесточение режимных требований в условиях военного времени.

Согласно инструкциям НКВД-МВД СССР военнопленные обеспечивались продовольствием, одеждой, обувью, постельными принадлежностями, денежным довольствием. Инструкция УПВИ НКВД СССР № 75 от 22.02.1943 г. регламентировала порядок приема, хранения и возврата валюты и ценностей, принадлежавших военнопленным¹⁴. Для проверки сохранности имущества пленных периодически проводилась его инвентаризация. В случае утраты личных вещей или ценностей, принятых на хранение от военнопленных, им возмещалась стоимость утраченного за счет виновных лиц¹⁵.

В целях предотвращения случаев смертности при транспортировке пленных приказом наркома внутренних дел № 0388 от 06.10.1943 г. вводилась инструкция «О сани-

тарном обеспечении военнопленных и спецконтингентов при поступлении на приемные пункты и фронтовые приемно-пересыльные лагеря НКВД и при железнодорожных перевозках»¹⁶. Маршруты движения военнопленных оборудовались сетью пунктов питания и санитарно-пропускных пунктов. Категорически запрещалось направлять в тыловые лагеря больных и раненых военнопленных, которых надлежало отправлять в госпитали¹⁷.

Особое внимание уделялось регламентации труда военнопленных. В соответствии с директивой УПВИ НКВД № 28/7309 от 17.07.1942 г. труд бывших вражеских солдат надлежало использовать с учетом их физического состояния, для чего вводилось четыре группы трудоспособности. Офицеры и генералы к работам привлекались лишь на добровольной основе. На основании приказа НКВД СССР № 00675 от 06.04.1943 г. для военнопленных устанавливался восьмичасовой рабочий день, четыре выходных дня в месяц и восьмичасовой ежедневный ночной отдых¹⁸. За работу пленным выплачивалось денежное вознаграждение.

Применение оружия личным составом лагерей жестко регламентировалось. В «Инструкции по службе внутренних нарядов в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных», введенной приказом НКВД № 001132 от 04.10.1945 г., подчеркивалось: «Применение оружия есть крайняя мера, и к ней надлежит прибегать со всей решительностью, когда все остальные меры воздействия оказались безрезультатными»¹⁹. Категорически запрещалось рукоприкладство по отношению к военнопленным. 4 сентября 1944 г. вышло специальное распоряжение УПВИ № 28/00/6936 «О недопустимости избиений военнопленных охраной и личным составом управлений лагерей», в котором подчеркивалось, что военнопленные за проступки могут подвергаться только дисциплинарной ответственности в соответствии с Положением о военнопленных от 01.07.1941 г.²⁰

Не противоречили положениям Женевской конвенции 1929 г. меры дисциплинарного воздействия к пленным, совершившим побег. В телеграфном распоряжении УПВИ № 28/00/979 от 01.06.1943 г. «Об ответственности военнопленных за побеги из лагерей» указывалось: «Военнопленные, за совершенные ими побеги из лагерей, к уголовной ответственности не привлекаются. На этих военнопленных начальником лагеря налагается дисциплинарное взыскание, и на определенный срок они подвергаются другим ограничительным мерам»²¹.

Характерно, что НКВД-МВД выпустило ряд инструкций, направленных на жизнеобеспечение контингента в условиях холодного климата, характерного для большинства регионов СССР. Согласно директивному указанию заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова № 376 от 24.07.1943 г. «О своевременном обеспечении военнопленных теплыми вещами» бывшим военным служащим вражеских армий, содержащимся в северных регионах СССР, предписывалось выдавать полушубки, телогрейки, ватные шаровары, свитера или теплые рубашки²². В зимнее время следовало сократить продолжительность утренних и вечерних проверок, наладить бесперебойное снабжение лагерей продуктами питания, поддерживать в помещениях постоянную температуру, для чего каждый барак обеспечить термометром и трехмесячным запасом топлива.

Приказ НКВД № 10 от 27.01.1945 г. и директива НКВД № 294 от 20.12.1946 г. «О трудовом использовании военнопленных в зимнее время» разрешали выводить на наружные работы в зимний период только пленным, обеспеченным теплым обмундированием. На местах работ надлежало оборудовать специальные обогревалки. Хозяйственному аппарату и санитарным службам лагерей предписывалось установить «повседневный контроль за состоянием одежды и обуви», обеспечить «быстрый и качественный ремонт и просушку теплового обмундирования»²³. Телеграмма НКВД № 205 от 16.11.1945 г. требовала закрыть все лагеря и лагерные отделения, не подготовленные к содержанию военнопленных в зимних условиях²⁴.

Теперь рассмотрим вопрос о нарушениях законодательства о военнопленных, используя примеры из практики функционирования лагерей военнопленных Европейского Севера СССР. Этот анализ, по нашему мнению, предоставляет возможность делать выводы и обобщения о функционировании системы УПВИ-ГУПВИ в масштабах страны.

1. Нарушения правил транспортировки военнопленных в тыловые лагеря. В инструкциях НКВД для обеспечения скорейшей эвакуации рекомендовалось использовать все виды транспорта, идущие порожняком с фронта. Норма погрузки в двухосные вагоны устанавливалась 44–50 чел., четырехосные – 80–90 чел. Общая численность военнопленных в одном эшелоне не должна была превышать 1500 чел. Во время перевозки железнодорожным транспортом военнопленных следовало обеспечить горя-

чей пищей и кипятком. Предусматривался ежедневный обход вагонов медработниками²⁵.

Однако в годы Великой Отечественной войны правила перевозки зачастую нарушались. Пленные помещались в вагоны, лишённые отопления, не обеспеченные элементарным санитарно-гигиеническим оборудованием (санузлом, ведрами, баками для воды). Горячее питание и медицинская помощь либо отсутствовали, либо имели эпизодический характер. Как правило, военнопленным на время следования выдавали сухой паек, чаще всего солёную рыбу. Вследствие неудовлетворительного снабжения водой муки жажды непременно сопутствовали перевозкам.

Широкое бытование получила практика отправки так называемых диких эшелонов, направляемых в тыл без согласования с УПВИ. Также имели место случаи прицепки вагонов с военнопленными к эшелонам, следующим в пункты, где размещение людей было невозможно. Вследствие того, что перевозка продолжалась в среднем 15–25 суток, многие из военнопленных умирали ещё в пути. Санитарная обработка в пунктах посадки, как правило, не производилась. В тыловые лагеря они прибывали в антисанитарном состоянии, сплошь завшивленные, что создавало условия для вспышки эпидемий. Так, 4 октября 1944 г. в Соломбальский лагерь № 211 поступил этап военнопленных в количестве 1750 чел. Прибывшие были сильно истощены, многие не имели одежды и обуви, а на улице уже был мороз. Только в момент проведения этапа через лагерную вахту умерло 5 чел. В последующие дни ежедневно умирало 14–15 чел.²⁶

2. Нарушения правил размещения военнопленных. В соответствии со ст. 9 Женевской конвенции от 27.07.1929 г. военнопленные не могли размещаться в местности с неблагоприятными климатическими условиями²⁷. Рекомендовалось эвакуировать пленных в те районы, природная среда обитания которых соответствовала погодным условиям местности, в которой они проживали до пленения. Фактически это означало, что на размещение в условиях Европейского Севера СССР могли претендовать лишь уроженцы скандинавских государств. На деле же в северных лагерях ГУПВИ содержались военнопленные более чем 20 национальностей, в том числе французы, итальянцы, испанцы.

Кроме того, суровые климатические условия предполагали особые условия трудового использования, продовольственного

и вещевого обеспечения военнопленных. Между тем в Положении о военнопленных, принятом СНК СССР в июле 1941 г., о дифференцированном размещении, вещевом снабжении и трудовом использовании обезоруженных неприятельских военнослужащих согласно климатическим особенностям ничего не говорилось. Анализ архивных материалов показывает, что пленные нередко размещались в тесных, темных и неотапливаемых помещениях, лишённых элементарных бытовых удобств.

3. Нарушения правил продовольственного обеспечения военнопленных. Если Женевская конвенция 1929 г. декларировала принцип соответствия норм питания пленных рациону военнослужащих пленившего их государства, то Положение о военнопленных оставляло право определять нормы питания за УПВИ НКВД СССР. В инструкциях НКВД-МВД не предусматривалось понижения или повышения рациона в зависимости от климатического пояса. Как показывает анализ архивных документов, военнопленные питались по основной норме, калорийность которой составляла в среднем 2200 калорий. Между тем рацион советских бойцов зависел от климатических факторов. Например, калорийность основного суточного пайка бойца Красной Армии в зимний период 1939–1940 гг. была увеличена с 3717 до 4449 калорий без учёта добавленных к рациону 100 г водки²⁸. Повышенный на 30% рацион получали и заключённые северных исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа²⁹.

4. Нарушения правил трудового использования военнопленных. Согласно ст. 29 Женевской конвенции ни один военнопленный «не мог использоваться на работах, для которых он физически не способен». На практике случалось, что ослабленные военнопленные трудились наравне со здоровым контингентом, а их рабочий день достигал 10–12 ч, не считая времени, затраченного на путь к месту работы. Явную опасность для здоровья уроженцев западноевропейских государств представлял труд в условиях полярного климата.

Из материалов Нюрнбергского процесса известно, что нацисты привлекали советских военнопленных к транспортировке снарядов, строительству оборонительных сооружений, что категорически запрещала ст. 31 Женевской конвенции. Однако использование пленных на работах, связанных с действиями боевыми и опасными для жизни и здоровья, имело место и в СССР. Так, советское руководство не погнушалось использовать

труд пленных поляков летом 1941 г. на строительстве военного аэродрома Поной в Мурманской области. В 1944–1945 гг. пленных привлекли к военно-морскому строительству № 203 в Молотовске (современный Северодвинск). В послевоенное время серьезную угрозу для жизни и здоровья представляли работы на воркутинских угольных шахтах, комбинатах «Североникель» и «Апатит» в Мурманской области. С другой стороны, принятое в СССР Положение о военнопленных (1941 г.) включало в разряд запрещенных работы, связанные с обслуживанием личных нужд администрации. Однако начальство лагерей нередко привлекало пленных, например, к работам на своих огородах или по домашнему хозяйству³⁰.

5. Нарушения правил переписки военнопленных. Статья 40 Женевской конвенции 1929 г. предписывала производить цензуру писем пленных в «кратчайший срок». Аналогичное требование к цензорским службам лагерей предъявляла директива МВД СССР № 205 от 07.08.1946 г. «Об упорядочении переписки военнопленных с родиной»³¹. Однако, как показывала практика, вследствие нехватки военных переводчиков письма пленных лежали на почтовых отделениях СССР и пунктах военной цензуры месяцами, что зафиксировано, к примеру, в отчете по Грязовецкому лагерю № 150³². В свою очередь, длительные перерывы в переписке с родными и близкими негативно отражались на морально-психологическом состоянии военнопленных.

6. Нарушения дисциплинарной практики и методов допросов военнопленных. Статья 46 Женевской конвенции и ст. 2 Положения о военнопленных от 01.07.1941 г. запрещали применять в отношении военнопленных телесные наказания, а также «меры понуждения и угрозы». Срок пребывания пленных на гауптвахте согласно «Инструкции о порядке содержания и учета военнопленных в лагерях НКВД» от 07.08.1941 г. не мог превышать 20 дней³³. Как показывают архивные документы и воспоминания репатриантов, при допросах к ним применялись меры физического воздействия, угрозы и оскорбления, длительное заключение в карцере. Так, бывший военнопленный Эрих Хартманн в своих воспоминаниях отмечает, что он находился в карцере в течение 9 мес., в ходе допросов русский следователь прибегал к шантажу и рукоприкладству³⁴.

7. Нарушения правил медицинского обслуживания военнопленных. Статья 25 Женевской конвенции и ст. 6 Положения о во-

еннопленных от 01.07.1941 г. запрещали перевозить тяжелораненых и больных военнопленных в тыл или же репатриировать их на родину до полного выздоровления. Тем не менее, как свидетельствуют архивные материалы, из лагерей УПВИ-ГУПВИ на родину репатриировались в первую очередь лица с хроническими и неизлечимыми заболеваниями, многие из них прибывали на родину резко ослабленными длительной транспортировкой.

Известному тезису об отсутствии в Советском государстве расовых и национальных различий, закрепленному в Конституции СССР 1936 г., явно противоречила директива МВД № 90 от 11.04.1946 г., которая ставила раненых и больных немецких военнопленных в худшие условия содержания по сравнению с ранеными и больными пленными венгерской и румынской национальностей³⁵.

8. Нарушения правил погребения умерших военнопленных. В Женевской конвенции 1929 г. подчеркивалось, что все умершие в плену должны быть погребены с честью и достоинством (ст. 67). О необходимости уважительно относиться к могилам скончавшихся солдат неприятеля также говорилось в Положении о военнопленных от 01.07.1941 г.³⁶ Более детально порядок погребения бывших вражеских солдат и офицеров разъяснялся директивами, инструкциями и распоряжениями НКВД-МВД. Так, в инструкции «О порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД» от 07.08.1941 г. указывалось, что каждое место погребения должно иметь опознавательный знак с указанием матрикулярного номера и номера учетного дела³⁷. 24 августа 1944 г. вышла директива УПВИ НКВД СССР № 28/2/23, которая вводила унифицированную форму кладбищ: земельный участок, отведенный под захоронение, разбивался на квадраты по 25 могил каждый. Погребение умерших следовало производить в индивидуальных могилах: рядовых хоронить в нижнем белье, офицеров – в белье и верхней одежде. На каждой могиле предлагалось установить опознавательный знак – прочный кол с прибитой к нему дощечкой. На эту дощечку несмываемой краской должен был наноситься номер могилы³⁸.

Несмотря на жесткие требования инструкций и директив, в организации погребений иностранных военнопленных допускались серьезные нарушения. В связи с большой смертностью в 1944–1945 гг. лагерями и спецгоспиталями практиковались группо-

вые захоронения³⁹. Имели место случаи захоронения на гражданских кладбищах. Так, за отсутствием собственного кладбища захоронение трупов на гражданском кладбище производил Череповецкий лагерь № 158. В 1943–1944 гг. на городское кладбище г. Грязовца отправлял умерших пленных лагерь № 150⁴⁰.

Даже после окончания войны установленный порядок захоронения пленных не выполнялся. Так, в акте проверки состояния кладбищ за 1947 г. указывалось, что погребение трупов Северо-Двинским лагерем № 224 проводится беспорядочно, знаки и могильные холмики не устанавливаются, территория кладбища не огорожена⁴¹. После расформирования лагерей и спецгоспиталей уход за кладбищами поручался местным органам власти: сельсоветам, горсоветам и т.д., которые в большинстве своем из-за отсутствия средств и рабочей силы этого не осуществляли. Если в 1950 г. на учете ГУПВИ МВД СССР состояло 2088 кладбищ военнопленных, разбросанных по различным регионам страны, то в мае 1959 г. их осталось всего лишь 50 (!)⁴². Разумеется, что подобное отношение к могилам неприятельских военнослужащих противоречило Женевской конвенции 1949 г., которую СССР ратифицировал в 1954 г.

Анализ архивных документов показывает, что до сотрудников лагерей международно-правовые документы не только не доводились, но и пресекалось даже само упоминание об их существовании. В сентябре 1946 г. начальник Грязовецкого лагеря МВД № 150 полковник Г.И. Сырма запрашивал вышестоящую инстанцию: «От военнопленных священников немецкой национальности, содержащихся в лагере № 150, поступают письменные заявления и прошения, адресованные на имя министра внутренних дел с просьбой об освобождении их из плена, ссылаясь на 9, 12 и 13 статьи Женевской конвенции от 27.07.1929 г. и на Гаагское соглашение. Не имея по данному вопросу никаких разъяснений, прошу соответствующих на сей счет указаний»⁴³. Ответа на указанное письмо не последовало.

Не знали положений международных конвенций, равно как и собственного «Положения о военнопленных», воевавшие на фронте советские солдаты и офицеры. Обращение с обезоруженными солдатами противника регулировалось приказами Верховного главнокомандующего, командующих армий и фронтов, а также директивами Главного политуправления Красной Армии. Все эти

документы носили достаточно противоречивый характер. Так, если в лозунгах и листовках к немецким солдатам, тексты которых утверждались Главным политическим управлением РККА, обещались «дружеский, братский прием», «теплое помещение, сытное питание, переписка с семьей и возвращение на родину после войны», то в обращениях к советским солдатам давалась установка «истреблять всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве ее оккупантов»⁴⁴. В итоге советскому солдату оставалось самому решать, как поступить с захваченным в плен неприятелем.

Весьма произвольно трактовало правовой статус военнопленных и советское военно-политическое руководство. Как международным конвенциям, так и собственному законодательству противоречило объявление военнопленными всего состава германской армии после капитуляции Германии и завершения боевых действий. В ходе капитуляции перед советскими войсками оружие сложили более 1,3 млн немецких солдат и офицеров. Большинство из них были погружены в вагоны и отправлены в СССР.

Еще более сложная ситуация сложилась с лицами, подпадающими под категорию «интернированные»⁴⁵. В документах НКВД-МВД немцы, вывезенные по постановлению ГКО № 7161сс от 16.12.1944 г. из Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии в СССР, именуются «интернированными». Хотя правильнее было бы называть их депортированными по национальному признаку⁴⁶. Таких интернированных немцев в возрасте от 17 до 50 лет, «годных к физическому труду и способных носить оружие», сводили в рабочие батальоны или же помещали в лагерь.

Разгром фашистской Германии и суд над главными военными преступниками в Нюрнберге поставили во главу угла вопрос о возмездии и наказании фашистских преступников. При всем своем стремлении к справедливому и объективному приговору нацистским руководителям стороны нередко выходили за рамки международно-правовых договоренностей, больше доверяя собственному законодательству и понятию о справедливости. Показательна в этом отношении характеристика Женевской конвенции, прозвучавшая из уст корреспондента «Правды» Бориса Полевого в канун Нюрнбергского процесса. Последний после посещения лагеря для немецких военнопленных в американской зоне оккупации

и знакомства с условиями их содержания писал: «У нас, которые уже столько прослушали о зверствах эсэсовцев, от подобной заботливости, как говорится, шерсть встает дыбом». По словам автора, применение положений международных конвенций к врагам, попиравшим все законы человечности, есть ненужный «либерализм»⁴⁷.

Однако будем справедливы: нарушения Женевской конвенции в годы Второй мировой войны были характерны для всех государств-участников, что обуславливалось крайней ожесточенностью боевых действий, непримиримостью идеологического противостояния. В документах и воспоминаниях западных политических и военных деятелей можно собрать целую вереницу таких фактов. Так, английская авиация в 1940–1941 гг. неоднократно сбивала немецкие транспортные самолеты со знаками Красного Креста, которые подбирали из вод Ла-Манша немецких летчиков⁴⁸. Американские солдаты нередко отказывали в медицинской помощи немецкому гражданскому населению на оккупированной территории⁴⁹. О распространенной практике расстрелов немецких военнопленных английскими и американскими солдатами во время боев в Нормандии сообщает в своей книге английский историк М. Хастингс⁵⁰. Более того, сама практика боевых действий вырабатывала определенный кодекс поведения противоборствующих сторон. Так, например, солдаты и той, и другой стороны практиковали расстрел захваченных в плен вражеских снайперов или огнеметчиков. Это объяснялось представлениями солдат о том, что они воюют «не по-честному»⁵¹. Играла свою роль и принадлежность военнослужащего к тому или иному роду или виду войск. Так, если немцы считали своим долгом расправиться с комиссаром, то красноармейцы без зазрения совести расстреливали попавшего в плен эсэсовца или власовца.

В 1994 г. Центр военно-социологических и социально-психологических исследований Министерства обороны Российской Федерации провел анонимное анкетирование среди ветеранов-участников Великой Отечественной войны с целью выявления случаев самосуда над вражескими солдатами на поле боя или расстрела пленных по приказу командира. Из 380 опрошенных о таких случаях сообщили лишь 3 чел.⁵², то есть 0,8% анкетированных. Много это или мало? На первый взгляд кажется мало. Однако представим такую пропорцию к цифре 5–6,5 млн чел. (численность личного состава совет-

ской армии, участвовавшего в боевых действиях на советско-германском фронте)⁵³ и получим цифру не менее 50 тыс. фактов несанкционированных экзекуций. Таким образом, можно с натяжкой говорить о «единичных фактах» расправ с обезоруженным противником. Тем не менее несанкционированный характер таких стихийных расправ не позволяет говорить о системе уничтожения военнопленных, в отличие от практики гитлеровского Рейха, где подобные деяния были освящены силой приказа. Так, 12 мая 1941 г. вышла секретная директива Главной ставки фюрера «Об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками». Она гласила: «Политические руководители в войсках не считаются пленными и должны уничтожаться самое позднее в транзитных лагерях»⁵⁴.

Советское правительство, разрабатывая нормативно-правовую базу по вопросам обращения с военнопленными, преследовало несколько целей. Во-первых, оно стремилось исключить их из сферы военных действий, то есть нейтрализовать как часть вооруженных сил противника. Во-вторых, планировало использовать их труд по возмещению затрачиваемых на их содержание средств, а позднее для восстановления разрушенного войной народного хозяйства. В-третьих, путем политической и культурно-массовой работы рассчитывало сделать их сознательными сторонниками коммунистической системы. Таким образом, цели, которые преследовало советское руководство, коренным образом отличались от устремлений германских политических кругов, рассматривавших военнопленных в начале войны как ненужный балласт, а позднее – как дешевую рабочую силу. Сама концепция использования военнопленных как «бацилл коммунизма», несмотря на свою идеологическую направленность, предполагала гуманный характер обращения с вражескими солдатами, так как была ориентирована на сохранение их жизни и добровольную перемену мировоззрения. Подобная логика отражена в следующих словах начальника ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанта Т.Ф. Филиппова, прозвучавших в июне 1948 г. на совещании руководящих работников лагерей МВД: «Мы военнопленных не унижаем, не оскорбляем, а поэтому им при возвращении на родину нечего будет сказать о Советском Союзе плохого»⁵⁵.

Неоднозначным было отношение советского руководства к вражескому офицерскому корпусу. Во-первых, наблюдается стрем-

ление отделить офицерский и командный состав от остальной массы военнопленных. Во-вторых, нейтрализовать их как «непримиримых классовых противников». Так, в марте 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле польского офицерского корпуса, содержащегося в лагерях НКВД. В 1943 г. на Тегеранской конференции И. Сталин высказывал намерение сурово покарать 50 тыс. офицеров вермахта, находящихся в лагерях НКВД. Но, видимо, получившее негативный международный резонанс в том же 1943 г. «катынское дело» изменило его планы.

Факты репрессий со стороны советского руководства по отношению к пленным офицерам дали основания Б.В. Соколову говорить о политике уничтожения элитных групп обезоруженных военнослужащих противника⁵⁶, что, на наш взгляд, достаточно спорно. Ведь из тех же польских офицеров сталинско-бериевский аппарат впоследствии сформировал командный состав армии В. Андерса. В конце концов, репрессивная политика уступила место трезвому расчету и прагматическим соображениям, наглядным примером чему является создание «Союза немецких офицеров» и его использование в политических целях в 1943–1945 гг.

Принципиально и отличие правового положения иностранных военнопленных от положения советских заключенных. Если в отношении первых советское руководство исходило из принципа «корректного обращения», то основными элементами тюремного и лагерного быта вторых были насилие, произвол, попрание человеческого достоинства при полном безразличии к созданию нормальных условий для существования.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 19–20.

² См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 60–65.

³ См.: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 65.

⁴ Текст Положения от 19.09.1939 г. см.: Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 153–158.

⁵ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 74–75.

⁶ См.: Там же. С. 75–77.

⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 457.

⁸ См.: Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 49.

⁹ См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 36–37.

¹⁰ См.: Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 221–223.

Характерно, что одновременно с заявлением советского правительства об окончании репатриации военнопленных от 05.05.1950 г. МВД отменило большинство приказов, директив и распоряжений по содержанию военнопленных, изданных в 1939–1949 гг.⁵⁷ Это еще раз свидетельствует о том, что оставшихся на своей территории военнопленных советское руководство отныне считало военными преступниками, то есть лицами, которые не могут претендовать на преимущества режима военного плена.

Итак, изучение нормативно-правовых актов и архивного материала свидетельствует, что в советском законодательстве в период 1930–1940 гг. проблеме военного плена уделялось большое внимание: были разработаны положения о военнопленных от 19.03.1931 г., 20.09.1939 г., 01.07.1941 г., а также комплекс приказов, директив и инструкций. Основные права военнопленных в годы Великой Отечественной войны были закреплены в Положении о военнопленных, утвержденном постановлением СНК СССР 01.07.1941 г. Если в Женевской конвенции правовой статус военнопленных дифференцировался только в зависимости от воинского звания, то в советском законодательстве большое значение имело «социально-политическое лицо» военнопленного. Несмотря на свою несовершенство и противоречивость, обусловившие многочисленные нарушения режима военного плена, советское законодательство не шло ни в какое сравнение с преступными приказами и директивами фашистского руководства, в которых содержалась установка на уничтожение советских военнопленных по политическим мотивам и расовому признаку.

¹ См.: Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996. С. 19–20.

² См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 60–65.

³ См.: Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. С. 65.

⁴ Текст Положения от 19.09.1939 г. см.: Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 153–158.

⁵ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 74–75.

⁶ См.: Там же. С. 75–77.

⁷ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 457.

⁸ См.: Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 49.

⁹ См.: Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 36–37.

¹⁰ См.: Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 221–223.

- ¹¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза: Документы и материалы. М., 1994. Т. 14. С. 24–25.
- ¹² См.: Архив УВД Вологодской области (далее – Архив УВД ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 385. Л. 208–211; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР: Нормативные документы / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1996. Т. 24. С. 37–40.
- ¹³ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 28, 155–168.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 171–173.
- ¹⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 509–510.
- ¹⁶ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 316–320.
- ¹⁷ См.: Там же. Д. 461. Л. 34–35; Д. 524. Л. 249–252; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 127–128.
- ¹⁸ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 475. Л. 20об–22.
- ¹⁹ Русский архив: Великая Отечественная: Немецкие военнопленные в СССР 1941–1945 гг.: Документы и материалы / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1999. Т. 24 (13–2). Кн. 1. С. 126; Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 464. Л. 288–300.
- ²⁰ См.: Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Ч. 1 (лист не пронумерован).
- ²¹ Там же. Д. 192. Л. 96–96об.
- ²² См.: Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 451. Л. 287–287об.
- ²³ Там же. Д. 463. Л. 54об.; Д. 471. Л. 15; Д. 483а. Л. 533–533об.
- ²⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 265–266.
- ²⁵ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Л. 122, 123об.; Д. 475. Л. 94, 93об.; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 75–80.
- ²⁶ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1/п. Оп. 35а. Д. 32. Л. 4.
- ²⁷ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 1013.
- ²⁸ См.: Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 113.
- ²⁹ См.: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2002. С. 279, 540–552.
- ³⁰ См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 490. Л. 342.
- ³¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 336–337.
- ³² См.: Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 508. Л. 241–242.
- ³³ См.: Там же. Д. 463. Л. 407–415.
- ³⁴ См.: Толвер Р.Ф., Констелл Т.Д. Лучший ас Второй мировой. М., 2000. С. 287–317.
- ³⁵ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 306; Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 483 а. Л. 172–172об.
- ³⁶ См.: Военнопленные в СССР 1939–1956. С. 67, 1023.
- ³⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. С. 51.
- ³⁸ См.: Военнопленные в СССР. 1939–1956. С. 462–463.
- ³⁹ См.: Архив УВД Архангельской области (далее – Архив УВД АО). Ф. 50. Д. 93а. Л. 25; Материалы проверки кладбищ лагерей военнопленных, дислоцировавшихся на территории Архангельской области за 1949 г. Л. 180; Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 14, 26, 29, 34, 39–39об., 45–45об.; Д. 77. Л. 111, 118об.
- ⁴⁰ См.: Там же. Л. 51; Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 76. Л. 29; Д. 77. Л. 12.
- ⁴¹ См.: Там же; Материалы проверки кладбищ лагерей военнопленных, дислоцировавшихся на территории Архангельской области за 1949 г. Л. 173.
- ⁴² См.: Конасов В.Б. Встанет ли обелиск примирения? // Мезон. 2001. № 6. С. 5–6.
- ⁴³ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 42. Л. 237.
- ⁴⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1996. Т. 17. С. 89, 91, 94–96, 104.
- ⁴⁵ Интернирование (от лат. internus – внутренний) – особый режим ограничения свободы (принудительного задержания),
- ¹¹ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. SSSR i Pol'sha: 1941–1945. K istorii voennogo sojuza: Dokumenty i materialy. M., 1994. T. 14. S. 24–25.
- ¹² См.: Arhiv UVD Vologodskoj oblasti (dalee – Arhiv UVD VO). F. 6. Op. 1. D. 385. L. 208–211; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR: Normativnye dokumenty / Pod red. V.A. Zolotareva. M., 1996. T. 24. S. 37–40.
- ¹³ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 28, 155–168.
- ¹⁴ См.: Tam zhe. S. 171–173.
- ¹⁵ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 509–510.
- ¹⁶ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 316–320.
- ¹⁷ См.: Tam zhe. D. 461. L. 34–35; D. 524. L. 249–252; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 127–128.
- ¹⁸ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 475. L. 20ob–22.
- ¹⁹ Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Nemeckie voennoplennye v SSSR 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy / Pod red. V.A. Zolotareva. M., 1999. T. 24 (13–2). Kn. 1. S. 126; Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 464. L. 288–300.
- ²⁰ См.: Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 9. Ch. 1 (list ne pronomerovan).
- ²¹ Tam zhe. D. 192. L. 96–96ob.
- ²² См.: Tam zhe. F. 6. Op. 1. D. 451. L. 287–287ob.
- ²³ Там же. Д. 463. Л. 54об.; Д. 471. Л. 15; Д. 483а. Л. 533–533об.
- ²⁴ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 265–266.
- ²⁵ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 463. L. 122, 123ob.; D. 475. L. 94, 93ob.; Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 75–80.
- ²⁶ См.: Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (dalee – RGVA). F. 1/p. Op. 35a. D. 32. L. 4.
- ²⁷ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 1013.
- ²⁸ См.: Uroki vojny s Finljandiej. Neopublikovannyj doklad narkoma oborony SSSR K.E. Vorosilova na plenumе CK VKP(b) 28 marta 1940 g. // Novaja i novejšaja istorija. 1993. № 4. S. 113.
- ²⁹ См.: ГУЛАГ: Glavnoe upravlenie lagerej. 1918–1960 / Pod red. A.N. Jakovleva. M., 2002. S. 279, 540–552.
- ³⁰ См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 490. L. 342.
- ³¹ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 336–337.
- ³² См.: Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 508. L. 241–242.
- ³³ См.: Там же. Д. 463. Л. 407–415.
- ³⁴ См.: Toliver R.F., Konsteb'l' T.D. Luchshij as Vtoroj mirovoj. M., 2000. S. 287–317.
- ³⁵ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 306; Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 483 a. L. 172–172ob.
- ³⁶ См.: Voennoplennye v SSSR 1939–1956. S. 67, 1023.
- ³⁷ См.: Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja: Inostrannye voennoplennye Vtoroj mirovoj vojny v SSSR. S. 51.
- ³⁸ См.: Voennoplennye v SSSR. 1939–1956. S. 462–463.
- ³⁹ См.: Arhiv UVD Arhangel'skoj oblasti (dalee – Arhiv UVD AO). F. 50. D. 93a. L. 25; Materialy proverki kladbiv lagerej voennoplennyh, dislocirovavshijsja na territorii Arhangel'skoj oblasti za 1949 g. L. 180; Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 76. L. 14, 26, 29, 34, 39–39ob., 45–45ob.; D. 77. L. 111, 118ob.
- ⁴⁰ См.: Там же. Л. 51; Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 76. L. 29; D. 77. L. 12.
- ⁴¹ См.: Там же; Materialy proverki kladbiv lagerej voennoplennyh, dislocirovavshijsja na territorii Arhangel'skoj oblasti za 1949 g. L. 173.
- ⁴² См.: Konasov V.B. Vstanet li obelisk primirenija? // Mezon. 2001. № 6. S. 5–6.
- ⁴³ Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 42. L. 237.
- ⁴⁴ Russkij arhiv: Velikaja Otechestvennaja. Glavnye politicheskie organy Vooruzhennyh Sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy. M., 1996. T. 17. S. 89, 91, 94–96, 104.
- ⁴⁵ Internirovanie (ot lat. internus – vnutrennij) – osobyj rezhim ograniczenija svobody (prinuditel'nogo zaderzhanija),

устанавливаемый одной воюющей стороной в отношении гражданского населения другой стороны или нейтральным государством в отношении оказавшихся на его территории солдат и офицеров воюющих сторон. Интернированные, как правило, помещаются в определенную местность, которую им запрещается покидать. (см. подр.: Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 332).

⁴⁶ М.И. Семиряга подчеркивал, что «депортация практически всего мирного населения, оказавшегося на занятой нашими войсками территории, была не чем иным, как осужденной международным правом практикой заложничества». (см.: Семиряга М.И. Приказы, о которых мы не знали // Новое время. 1994. № 15. С. 57).

⁴⁷ См.: Полевой Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. М., 1969. С. 101–102, 158–159.

⁴⁸ См.: Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е.Я. Трояновская. М., 1990. С. 71.

⁴⁹ См.: Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь для перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. 1998. № 7. С. 119.

⁵⁰ См.: Хастингс М. Операция «Overlord»: Как был открыт второй фронт / Пер. с англ. М., 1989. С. 132; 309–310.

⁵¹ См.: Там же. С. 132, 307, 309.

⁵² См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1999. Кн. 4. Народ и война. С. 195.

⁵³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 245–246.

⁵⁴ Цит. по: Долматовский Е.А. Зеленая брама: Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны. М., 1989. С. 107.

⁵⁵ Архив УВД ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 223об.

⁵⁶ См.: Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне: Сб. ст. СПб., 1998. С. 26.

⁵⁷ См.: Приказ МВД № 001097 от 16.12.1949 г. «Об отмене приказов, циркуляров, директив, приказаний и распоряжений НКВД-МВД СССР, изданных по работе лагерей МВД для военнопленных» // Архив УВД ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 343.

ustanavlivaemyj odnoj vojujuwej storonoj v otnoshenii grazhdanskogo naselenija drugoj storony ili nejtral'nym gosudarstvom v otnoshenii okazavshihsj na ego territorii soldat i oficerov vojujuwih storon. Internirovannye, kak pravilo, pomewajutsja v opredelennuju mestnost', kotoruju im zaprewaetsja pokidat'. (sm. podr.: Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. M., 1972. T. 10. S. 332).

⁴⁶ M.I. Semirjagapodchekival, chto «deportacija prakticheski vsego mirnogo naselenija, okazavshegosja na zanjatoj nashimi vojskami territorii, byla ne chem inym, kak osuzhdennoj mezhdunarodnym pravom praktikoj zalozhnichestva». (sm.: Semirjaga M.I. Prikazy, o kotoryh my ne znali // Novoe vremja. 1994. № 15. S. 57).

⁴⁷ Sm.: Polevoj B. V konce koncov. Njurnbergskie dnevniki. M., 1969. S. 101–102, 158–159.

⁴⁸ Sm.: Vtoraja mirovaja vojna v vospominanijah U. Cherkhillja, Sh. de Gollja, K. Hjella, U. Legi, D. Jejzenhaujera / Sost. E.Ja. Trojanovskaja. M., 1990. S. 71.

⁴⁹ Sm.: Boldyrev K.V. Menhegof – lager' dlja peremewennyh lic (Zapadnaja Germanija) // Voprosy istorii. 1998. № 7. S. 119.

⁵⁰ Sm.: Hastings M. Operacija «Overlord»: Kak byl otkryt vtoroj front / Per. s angl. M., 1989. S. 132; 309–310.

⁵¹ Sm.: Tam zhe. S. 132, 307, 309.

⁵² Sm.: Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki: V 4 kn. M., 1999. Kn. 4. Narod i vojna. S. 195.

⁵³ Sm.: Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie. M., 2001. S. 245–246.

⁵⁴ Cit. po: Dolmatovskij E.A. Zelenaja brama: Dokumental'naja legenda ob odnom iz pervyh srazhenij Velikoj Otechestvennoj vojny. M., 1989. S. 107.

⁵⁵ Arhiv UVD VO. F. 10. Op. 1. D. 75. L. 223ob.

⁵⁶ Sm.: Sokolov B.V. Pravda o Velikoj Otechestvennoj vojne: Sb. st. SPb., 1998. S. 26.

⁵⁷ Sm.: Prikaz MVD № 001097 ot 16.12.1949 g. «Ob otmene prikazov, cirkuljarov, direktiv, prikazanij i rasporjazhenij NKVD-MVD SSSR, izdannyh po rabote lagerej MVD dlja voennoplennyh» // Arhiv UVD VO. F. 6. Op. 1. D. 528. L. 343.